

общественные дела порой обсуждались с директором. Например, был у нас, испытателей, такой большой вопрос. На предприятии существовало несколько категорий сотрудников, получающих те или иные льготы. Наиболее престижным был так называемый «первый список», в соответствии с которым полагался ряд льгот, в том числе пенсионный возраст для мужчин устанавливался в 50 лет. Критерии же отнесения лиц к этому списку были настолько жесткими и сложными, что формально ни один из испытателей не мог быть отнесен к «первому списку». Выслушав мои доводы по изменению существующего порядка, директор сказал:

— Давай договоримся так. Ты составишь список сотрудников, постоянно (он подчеркнул это слово) участвующих в испытаниях, а я утвержу

В НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ

Начало 90-х. Эйфория от Ельцина. Пустые магазины, пустые карманы. Гайдар, Чубайс, реформы, перестройка...

Сейчас уже всем ясно, что мы шли своим, но далеко не оптимальным путем. Но старались-то наши руководители всех сортов сделать как лучше. Что же подделаешь, если получилось как всегда? Тут и появилось это самое ГКЧП. Там тоже старались как лучше. Им не дали «достараться» — отправили кого в Матросскую тишину, кого просто снимали с постов. По принципу: не осудил публично (и вовремя!) этих «отщепенцев» — отправляйся «на отдых». А не отправили бы — может, и не стало бы так худо. Ведь и ГКЧПэшники, вроде, тоже старались, как лучше.

Посыпались головы. У «побежденных». У тех, кто «не одобрямс». А у нас всегда так: лес рубят — щепки летят. Попал под эту кампанию и Л. Д. Рябев, тогдашний зам. Председателя Совмина. Попал, скажем так, за зря. Но полетел не только с должности — остался вообще без работы. Сняли. Не помню точно, но, по-моему, месяца два, не меньше, Рябев не работал, «отдыхал». Обидно. Шел-шел по этой лестнице вверх, оставиваясь время от времени на «лестничных клетках» (то бишь на высоких государственных постах), оставлял везде за собой добрую славу и добрые дела. И на тебе! Без работы!

Многие тогда раздумывали над сложившейся в государстве ситуацией, но сделать ничего реального не могли. И придумать тоже не могли. Но писали бумаги, в том числе на САМЫЙ ВЕРХ.

его, это будет основанием для отнесения их к первому льготному списку.

На том и решили. Вскоре такой список был составлен, утвержден, и, к нашему большому удовлетворению, вечный вопрос о «первом списке» был решен.

К моему сожалению, да и не только к моему, Рябев не долго проработал директором нашего института. Не знаю причин перевода (он был назначен заместителем министра), но в институте упорно ходили слухи о том, что его подвела его же активность: два руководителя (а Рябев быстро стал настоящим руководителем) — для одного института слишком много. Так это или нет — сказать трудно, но то, что Рябев покинул институт с тяжелым сердцем и с неохотой, это так.

Об одной такой бумаге и пойдет сейчас речь. Инициатором ее, по крайней мере, первым, кто в разговоре со мной высказал мысль написать бумагу в защиту Рябева, был Ю. А. Осипов, сотрудник теоретического отделения, теперь ИТМФ. А еще перед этим, в «Городском курьере» появилось письмо Л. Д., в котором он пояснил свою позицию в вопросе этого самого ГКЧП.

Чтобы читателю она была ясна, письмо Рябева приводится ниже. Ну, а рядом с ним и наше письмо, посланное президенту. Подписали его практически все доктора наук, большинство из тех, кто в то время находился на месте.

Мы тоже думали сделать как лучше для института. Но получилось — как в таких случаях чаще всего и бывает — как всегда, т. е. никак. Бумага затерялась где-то в столах высоких чиновников. Какое-то время Рябев еще помаялся в безработных, затем руководство нашло все же для него пост советника (или консультанта?) при министерстве, формально сделав его заместителем директора ВНИИЭФ. Там он и работает по сей день. Говорят, работает успешно. А иначе он и не может.

Только думается, что наша отрасль много потеряла из-за того, что в те, теперь уже далекие времена, толковый, грамотный и честный человек (!) оказался волею одного высокопоставленного государственного чиновника не у министерских дел. Демократия.

ТРУНИН Рюрик Федорович —
начальник отдела ИФВ РФЯЦ-ВНИИЭФ

МИНИСТЕРСТВО АТОМНОЙ
ЭНЕРГЕТИКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

ВНИИЭФ

ВСЕСОЮЗНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

607200 г. Арзамас-16, Горьковской обл.
Для телеграмм «Мимоза»

21.10.91 № 03/2078

На № _____ от _____

Президенту России
Ельцину Борису Николаевичу,
г.Москва, Кремль

Сейчас, в период строительства российской государственности, в руководстве отраслями промышленности как никогда нужны профессионалы высокого уровня. Речь идет, в связи с этим, о Л.Д.Рябеве, которого мы знаем на протяжении более трех десятилетий, как исключительно честного человека. Его работу на различных занимаемых постах – в силу интеллекта и больших неординарных организационных способностей – всегда отличало честное отношение к порученному делу, ясное понимание поставленных задач, высокая работоспособность и профессионализм. Об этом свидетельствует его работа в нашем институте, в Нижнем Новгороде, в Москве и во время ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Позиция Л.Д.Рябева во время событий 19-21 августа корректно изложена в письме на Ваше имя (письмо написано 20.08). Она опубликована также в газете нашего города и вполне объективно отражает его отношение к так называемому ГКЧП.

Нам представляется, что это совершенно нормальная позиция человека, которого мы знаем по его делам и которая определяется не только 19-м августа, но, что более важно и убедительно – позицией во весь предшествующий 19 августа период.

Как нам известно, Л.Д.Рябев, вернувшись из отпуска в Москву, сейчас (на 16.10.91) не работает. Мы не думаем, что это

ф. 203720 2314-89

принесло какие-то положительные результаты, в частности, для нашей отрасли, где авторитет Л.Д.Рябева, как специалиста-профессионала и руководителя, заслуженно высок.

Считаем необходимым обратиться к Вам с просьбой рассмотреть вопрос о назначении его руководителем создаваемых в России структур атомной промышленности. Считаем, что его кандидатура на такой пост является наиболее достойной.

Малы
Ю.Трунин

Белугин В.А. -
- директор института

- Трутнев Ю.А. -член корреспондент
АН СССР

Воскресенский
Степанов
Мухоморов
Ильин
Софронов
Романов
Павловский
Мохов
Тимонин
Трунин
Подурец
Осипов

- Чернышев В.К. -д.ф.-м.н.,
профессор

- Стяжкин Ю.М. - д.ф.-м.н.,
профессор

- Шутов В.И. - д.тех.н.

- Ильяев Р.И. - д.ф.-м.н.

- Софронов И.Д. - д.ф.-м.н.,
профессор

- Романов Ю.А. - д.ф.-м.н.,
профессор

- Павловский А.И. - член корреспон-
дент АН СССР

- Мохов В.Н. - д.ф.-м.н.,
профессор

- Тимонин Л.М. - д.тех.н., профессор

- Трунин Р.Ф. - д.ф.-м.н.

- Подурец М.А. - д.ф.-м.н.

- Осипов Ю.А. - д.ф.-м.н.

Все ли министры струсили

После августовского путча Кабинет министров СССР упразднен. Из прежнего его состава сохранили посты лишь трое: Воронцов, Губенко и Хаджиев.

Но в общей картине попадания министров еще много неясностей.

22 августа на встрече Президента СССР М. Горбачева с Верховным Советом РСФСР были зачитаны записи с заседания Кабинета министров СССР, где обсуждалось отношение членов Кабинета к ГКЧП. Из них следовало, что большинство министров признало и поддержало ГКЧП. Позиция Льва Дмитриевича Рябева характеризовалась как осторожная и уклончивая, но в итоге компромиссная по отношению к ГКЧП.

Поскольку это была не стенограмма, а чьи-то личные записи, сделанные, по-видимому, уже после заседания, по памяти, возникли сомнения в их полной достоверности.

Так, если А. Бовин в публикации «Известий» от 23 августа обвинил практически весь Кабинет министров в трусости, то в «Комсомольской правде» за 24 августа позиция Л. Рябева, со слов председателя Госкомприроды Н. Воронцова, изложена следующим образом: «Надо максимально двигаться в сторону Конституции (кстати, именно позиция Рябева, Воронцова и Габриэлянца, министра геология, не позволила на одном из предыдущих заседаний КМ согласиться с применением физической силы против шахтеров)».

Имя Льва Дмитриевича Рябева известно горожанам (с 1957 г. он был сотрудником, а затем директором ВНИИЭФ в 1974–1978 гг.), многие хорошо знают его лично и всегда высоко отзывались о его деловых и человеческих качествах.

Л. Рябев направил письмо в адрес председателя городского Совета В. Такоева, в котором содержится просьба опубликовать в местной печати его позицию, изложенную в форме открытого письма журналисту Бовину.

Редакция «ГК» считает необходимым выполнить просьбу Льва Дмитриевича Рябева и предлагает вниманию своих читателей его открытое письмо. Будем рады, если эта публикация поможет прояснить картину.

Уважаемый Валерий Николаевич!

В печати появились противоречивые сведения о моей позиции в известных событиях. К сожалению, М. С. Горбачев дал непроверенную информацию. Направляю Вам материалы, где изложены некоторые дополнительные сведения. Если это возможно, просил бы опубликовать их в местной печати.

С наилучшими пожеланиями

Л. Д. Рябев.

28.08.91

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЖУРНАЛИСТУ БОВИНУ

Уважаемый товарищ Бовин!

С интересом прочитал в «Известиях» за 23 августа 1991 г. Вашу заметку «Победа! Что дальше!» и прослушал Ваше интервью по телевидению.

С меньшим интересом — то, что приписано мне по выступлению в Кабинете министров СССР 19 августа. Прилагаю также публикацию в «Комсомольской правде» от 24 августа. Если их сравнить, то, как говорят в Одессе, между ними две большие разницы.

Можете сказать мне, что публикация в «Известиях» соответствует выступлению Горбачева М. С. в российском парламенте.

Увы, ошибаются и президенты. Как любил повторять господин Рейган: «Доверяй, но проверяй!».

Для прояснения своей позиции привожу текст обращения, который я написал 20 августа вечером и 21 августа утром направил по адресам: и. о. Президента СССР Янаеву Г. И.; Президенту РСФСР Ельцину Б. Н.; Председателю Верховного Совета СССР Лукьянову А. И.

Призываю Вас совместно найти пути выхода из создавшейся кризисной ситуации.

К числу возможных незамедлительных решений (помимо созыва внеочередных сессий Верховных Советов) следовало бы отнести:

1. Опубликование медицинского заключения о состоянии здоровья М. С. Горбачева и интервью по телевидению с одним из его лечащих врачей.

2. Отказ от применения военной силы при разрешении конфликтов.

3. Упразднение Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

4. Строгое соблюдение Конституции и принятых Законов.

5. Отвод армейских частей в казармы и контроль за соблюдением общественного порядка силами МВД.

6. Отмена чрезвычайного положения в местностях, где нет массовых беспорядков и конфликтов.

7. Широкое обсуждение в стране проекта Союзного Договора. Созыв съезда народных депутатов СССР с участием представительных полномочных делегаций республик для принятия решения по Союзному Договору.

8. Обсуждение на Совете Федерации путей нормализации экономического положения в стране».

Откровенно говоря, на опровержение публикации в «Известиях» особенно не рассчитываю несмотря на то, что Вы пишете: «Победа над заговорщиками показала, что мы стали решительнее, мужественнее». Но хочу предостеречь Вас и редакцию — остерегайтесь новоявленных стукачей в это сложное время. Иначе история повторится.

С уважением

Л. Д. Рябев

27.08.91

Р. С. Янаева я знаю лично и считал, что у него есть последний шанс исправить трагическую ошибку своими руками.